

Е. Э. Л И П Ш И Ц

**К ВОПРОСУ О СВЕТСКИХ ТЕЧЕНИЯХ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ IX в. (Касия)**

Пути развития византийской литературы в первой половине IX в. мало изучены. В обобщающих трудах этот период истории литературы характеризуется обычно суммарно и неопределенно. Немногочисленные писатели, жившие и творившие в период позднего иконоборчества, большей частью привлекают внимание буржуазных исследователей своими полемическими, догматическими, агиографическими и историческими трудами. Поэтические же их произведения остаются в тени. Мы уже имели случай в своих предшествующих работах обратить внимание на чрезвычайно любопытную в историческом отношении поэтическую деятельность поэтов иконоборцев Иоанна Грамматика и Игнатия.¹ Последний должен быть признан по всей вероятности одним из наиболее видных писателей и поэтов своего времени, в то время как первый был выдающимся политическим деятелем иконоборческого лагеря и не лишенным значения ученым-исследователем.

Изучение этого периода в истории литературы останется, однако, неполным, если не будет уделено внимание еще одной писательнице и, притом, сильно отличающейся от рассмотренных выше писателей, а именно Касии. В отличие от Игнатия литературная деятельность Касии ограничивалась одной лишь поэзией.

Творчеством Касии до сих пор занимались мало. Автор единственной монографии о Касии немецкий буржуазный византист Крумбахер опубликовал некоторые ее поэтические произведения, но дал их разбор лишь с формальной стороны.² Если не считать отдельных случайных замечаний, он не сделал попытки дать характеристику деятельности поэтессы в целом и не определил причины, обусловившие особенности ее поэзии. Не сделали этого и другие буржуазные исследователи, ограничившиеся в своих работах вниманием к отдельным моментам биографии писательницы.

Следует отметить также, что произведения Касии до сих пор никогда не переводились на новые языки.

А между тем при всей скудости сведений о Касии и сравнительно малом по объему ее литературном наследстве изучение ее творчества дополняет картину культурной и литературной жизни Византии первой половины IX в. и рисует достаточно яркий облик писательницы, хотя и не принимавшей, подобно Игнатию, Иоанну Грамматику, Никифору и Феодору Студиту, непосредственного участия в политической борьбе своего времени, но тем не менее захваченной отчасти ее последствиями.

¹ Исторические записки, кн. 26, 1948.

² K. K r u m b a c h e r. Kasia. München, 1897.

1. Биографические данные

Литературная деятельность Касии (или в других вариантах ее имени — Кассии, Кассиане, Икасии)¹ в свое время пользовалась довольно широкой известностью. В греческих рукописных кодексах сохранилось значительное число ее эпиграмм и гимнов. Многие византийские писатели упоминают о ее выдающемся даровании. Так, Никифор Каллист Ксанфопул включил ее имя в свой рифмованный перечень знаменитых поэтов-гимнографов, поставив ее в ряд с такими признанными в Византии писателями, как Феодор и Иосиф Студиты, Косьма, Иосиф Гимнограф, Андрей (Критский), Феофан, Георгий (Кипрский), Лев и Марк.² По данным известного византийского поэта времен Комнинов Федора Продрома, Касия была не только поэтессой, славившейся своим умом, но и талантливым композитором: ее мелодии были использованы и позднейшими гимнографами. Об этом же говорит и Георгий Кодин — автор описания достопримечательностей Константинополя, связывая с именем Касии (у него — Икасии) монастырь, построенный ею недалеко от Золотых ворот, близ Студийской базилики. Кодин сообщает при этом некоторые сведения о времени жизни Касии, ее внешности и поэтической и музыкальной деятельности. „Монастырь Икасии, — пишет он, — был построен Икасией, благочестивейшей монахиней и прекрасной с виду девицей, которая была и мудрейшей и сочинила много канонов и стихирей и другого достойного удивления и положила на музыку во времена императора Феофила“³ (Ἡ μονὴ τῆς Εἰκασίας ἐκτίσθη παρὰ Εἰκασίας μοναχῆς εὐσεβεστάτης καὶ παρθένου ὡραίας τῇ εἶδει ἥτις σοφώτατη οὖσα καὶ κανόνας πολλοὺς καὶ στιχερά καὶ ἄλλα τινὰ ἀξιοθαύμαστα ἐποίησε καὶ ἐμελῶδησεν ἐν τοῖς χρόνοις Θεοφίλου τοῦ βασιλέως).

Более подробные сведения о Касии можно найти у византийских хронистов.

Так, Лев Грамматик,⁴ говоря о событиях, связанных с воцарением императора Феофила, упоминает, что мать Феофила Евфросина послала во все фемы специальных нарочных, чтобы привести самых красивых девушек на смотр невест для Феофила. Девушки были приведены ею во дворец, в так называемый триклиний Жемчуга. Затем она вручила Феофилу золотое яблоко, чтобы он отдал его той; которая ему больше всех понравится. Была среди них, говорит Лев Грамматик, „некая девушка из благородных, замечательная красавица, по имени Икасия. Феофил, увидев ее выдающуюся красоту, сказал, что, мол, от женщин исходит зло. Она же, смутившись, ответила ему, что из женщин произошло и наилучшее. Тот же, раненный в сердце ее словами, покинул ее и передал яблоко Феодоре, происходившей из Пафлагонии. Венчал Феодору в церкви Стефана и был венчан вместе с ней и сам патриархом Антонием в великую пятидесятницу (Духов день),⁵ пройдя в великую церковь (Софию) и почтив богатыми подарками патриарха вместе с клиром и синклитом“. „Названная же Икасия, потерпевшая

¹ Κασσία, Κασία, Κασσιανή, Εἰκασία. По мнению Крумбахера, собравшего все данные источников по этому вопросу, наиболее правильной формой следует считать Κασία или Κασσία, см. K. Krumbacher. *Kasia*, t. 108, S. 316—317.

² W. Christ et M. Paranikas. *Anthologia graeca carminum christianum*. Lipsiae, 1871, p. XLI. I.

³ Ed. Bonn, 123, 13, ff; ср. также у Г. Ласкина. Георгий Кодин. О древностях Константинополя. Словарь. Киев, 1905, стр. 94. „Иказии“ монастырь. 25. 123.

⁴ Ed. Bonn. 213, 8 = Migne. *Patr. gr.*, 1896, p. 1045.

⁵ 5 июня 830 г.

неудачу с царствованием, устроила монастырь, в котором и постриглась, ведя аскетический образ жизни, занимаясь философией и проводя жизнь с одним только богом до конца своей жизни. И сохранились многие ее писания“.

Если не считать некоторых незначительных отступлений в деталях и форме изложения, с этим рассказом вполне совпадает изложение этих событий у Феодосия Мелитенского,¹ Псевдо-Симеона,² Георгия Амартола,³ Зонары⁴ и Глики.⁵

В значительно более поздней фольклорной версии жизнеописания Феофила, сохраненной рукописью монастыря Метеха в Константинополе, рассказ этот обогащается несколькими новыми деталями, но канва его и здесь остается прежней.

Несмотря на наличие элементов, придающих всей истории Касии отчасти легендарный характер, совокупность всех данных источников говорит о том, что в основе рассказа хронистов лежит достоверный факт. В истинности истории Касии не сомневается и Крумбахер.⁶ Основываясь на всех данных хронистов — Псевдо-Симеона, Льва Грамматика, Георгия Монаха, Зонары, Михаила Глики, он пришел к выводу, что все эти источники восходят к общему оригиналу, написанному до Псевдо-Симеона, т. е. приблизительно до 963 г.

Однако Крумбахер не принял во внимание в своих выводах одного источника, опубликованного Регелем еще в 1891 г., который дает возможность с гораздо большей точностью решить вопрос о времени возникновения рассказа о жизни Касии, включенного в рассмотренные выше византийские хроники. Этим источником является анонимное житие Феодоры, изданное Регелем в его собрании текстов „*Analecta byzantino-rossica*“.⁷

Уже Б. Мелиоранский, коснувшись попутно истории Касии в своем исследовании о семейной истории Аморийской династии, обратил внимание на важность жития Феодоры при выяснении времени сложения биографической канвы повести о Касии.⁸ Мелиоранский совершенно правильно характеризовал этот текст как полемический *pendant* к повести о Касии. Так как житие Феодоры возникло около 867 г.,⁹ то повесть о Касии, сохраненная в рассказах хронистов, должна была уже существовать до этого времени.

Следовательно, рассказ о жизни Касии, несмотря на некоторые сказочные черты, оказывается современным или почти современным жизни самой Касии, которая родилась, повидимому, около 815 г.,¹⁰ а постриглась в монастырь ок. 830 г.

¹ Ed. Tafel, 1859, p. 149.

² Ed. Bonn, 624 ff.

³ Ed. Bonn, 789 ff. Георгий Амартол перечисляет и некоторые сохранившиеся до его времени произведения Касии.

⁴ Ed. Teubner, кн. XV, 25, III. 401, 20, 402, 10.

⁵ Ed. Bonn, 536, 1.

⁶ Op. cit., 313.

⁷ Reg. l. *Analecta byzantino-rossica*. 1891, p. 1—19.

⁸ Б. Мелиоранский. Из семейной хроники Аморийской династии. „Византийский Временник“, т. VIII, 1, стр. 1—37.

⁹ Reg. l, op. cit., p. XVII.

¹⁰ Смотр невест происходил в 830 г. Касии было в то время около 15 лет, так как Эклога устанавливает возраст для вступления в брак у женщин — 13 (в вариантах 12) лет. См. *Ecloga Leonis et Constantini*, ed. Zachariae von Lingenthal. Lipsiae, 1852, стр. 15. Год смерти Касии не известен; письма Феодора Студита к кандидатиссе Касии (Migne, *Patr. gr.*, t. 99, p. 1622, Mai, *Nova Patr. Bibl.*, t. VIII, стр. 126—127) по хронологическим соображениям не могут быть отнесены к поэтессе Касии.

Некоторые намеки, подтверждающие этот рассказ, имеются и в ее собственных произведениях — изречениях и эпиграммах, о чем речь будет ниже.

2. Произведения Касии

Литературное наследство Касии обнимает собой две группы произведений: 1) изречения и эпиграммы и 2) гимны.

Изречения и эпиграммы Касии сохранились в нескольких рукописях. Они неоднократно издавались:

1. Brit. Mus. Addit. 10072, S. 15, fol. 93. Издано сначала частично (32 стиха) Лампросом (Lampros Sp. в *Δελτίον τῆς ἱστορ. καὶ ἐθνολογ. ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος* 4. 1894, S. 33 и сл.), затем, полностью, К. Крумбахером (Kasia).

2. Cod. Marcianus gr. 408, s. 14 (изд. Крумбахером).

3. Cod. Laurent. 87, 16, fol. 353 и сл. (изд. Крумбахером).

4. Эксерпты из последней в Cod. Paris. Bibl. Mazarine. P. 1231, s. 15.

5. Рукопись Метеха Гроба господня в Константинополе издана у Mystiakides (Κασία, Κασσιανή в *Ὁρθοδοξία*) 1. 1926. 247—251 и 314—319 (ср. Byz. Ztschrift, 1927, S. 422).¹

По кругу вопросов, о которых они трактуют, изречения и эпиграммы Касии могут быть отнесены к изречениям на морально-этические темы. Они написаны ямбическим триметром и, как правило, не выходят за размеры одного-двух стихов. Лишь в виде исключения среди них встречаются небольшие элегические стихотворения, состоящие из четырех или более стихов. Они просты, понятны и свободны от ученых претензий. Анализируя стихи Касии с формальной стороны, Крумбахер отметил и тот факт, что Касия пренебрегает правилами про-
содии и метрики.

Эти стихи группируются частью по темам, частью по внешнему формальному признаку — повторяющемуся начальному слову, которым объединяется нередко целая значительная группа изречений.

Одной из тем, которой поэтесса уделяет большое внимание, является дружба.

В целой серии стихов Касия восхваляет умного, верного, образованного друга и противопоставляет истинную дружбу показной и фальшивой:

2. „Дари любовь любящему другу,

Но не дари напрасно любви неучу“, —

говорит она в неуклюжем по форме двустииши с искусственно повторяющимся корнем φίλος:

„φίλῳ φιλοῦντι χαρίζου τὸ φιλεῖσθαι
τῷ δ' ἀγνώμονι εἰς κενὸν τὸ φιλεῖσθαι“.

В пятой эпиграмме из той же серии Касия пишет:

„Друг, пребывая в горестях с возлюбленными,
Находит облегчение и в сильных страданиях“.

„φίλος ἐν λύπαις συνὼν τοῖς φιλεστάτοις
ὕφεσιν εὖρε τῶν σφοδρῶν ἀλγηδόνων“.

¹ В 1926 г., как о том упоминает краткая заметка Гейзенберга в „Byzantinische Zeitschrift“, Мистиакидес опубликовал новое собрание эпиграмм Касии, которое, по утверждению Гейзенберга, не совпадает с теми, которые были изданы Крумбахером в его монографии о Касии. Собрание это, однако, осталось нам недоступным.

6. „Стремись ты к другу умному, как к золота мошне,
От глупого ж, напротив, беги, как от змеи“.
„Φρόνιμον φίλον ὡς χρυσὸν κόλπῳ βάλλε
τὸν δ' αὖ γέ μωρὸν φεύγε καθάπερ ὄφιν“.
8. „Возвысившийся друг возвышает с собой и друзей“.
„Φίλος δ' ὑψώσεις συνυψώσει τοῖς φίλους“.
9. „Лучше же всего, и золота и жемчугов, множество истинно
любящих для любимых“.
„Κρεῖσσον δὲ πάντως καὶ χρυσοῦ καὶ μαργάρων ἐσμὸς
φιλοῦντων πρὸς φιλοῦντας γνησίως“.
10. „Оградой произрастает любовь друзей“.
„Φραγμὸς πέφυκεν ἡ τῶν φίλων ἀγάπη“.
11. „Богатство бесполезно лишенному друзей“.
„Πλοῦτος δ' ἄχρηστος, εἰὰν μὴ φίλον ἔχῃ“.
12. „Друг спасает друга и страна страну“.
„Φίλος τὸν φίλον καὶ χώρα χώραν σώζει“.
13. „В беде беседа любящих друзей
И меда сладостней и лакомства“.
„Φίλων φιλοῦντων ἐν λύπαις ἐμιλίαι
ἥδύτεραι μέλιτος παντός καὶ ὀψου“.
14. „Несчастье выявляет истинного друга,
Ибо не отступает он от любимого“.
„Φίλον γνήσιον δὴ περίστασις δείξει
οὐ γὰρ ἀποστήσεται τοῦ φιλοῦμένου“.
15. „Да назовется другом любящий без коварства,
А кто с коварством, тот не друг, а враг тебе“.
„Φίλος λεγέσθω ὁ φιλῶν ἄνευ δόλου
ὁ δ' αὖ σὺν δόλῳ οὐ φίλος ἀλλ' ἐχθρὸς σοι“.
16. „Люби же всех, но не на всех надейся“.
„Πάντας δ' ἀγάπα μὴ θάρρει δὲ τοῖς πᾶσιν“.
20. „Как темный дом лишен улады, так и богатство без
друзей“.
„Ὡσπερ σκοτεινὸς οἶκος οὐκ ἔχει τέρψιν
οὕτως πέφυκεν ὁ πλοῦτος ἄνευ φίλων“.
21. „Любовь льстецов, как нарисованное вооружение,
Ибо они вас вводят в заблуждение хвалой утех“.
„Στοργὴ κολάκων ὡς γραπτὴ πανοπλία
πλανῶσιν (γάρ) ὑμᾶς ἡδοναῖς ἐπαινέται“.

Ряд изречений поэтессы проникнут пессимизмом, разочарованием в верности друзей, тоской по истинной дружбе. Таково изречение:

7. „Друг, друга любящего встретив, обрадуйся так сильно,
как найдя кучу золота“.
„Φίλον φιλητὸς φιλοῦντα συναντήσας
γέγηθε λαμπρῶς ὥσπερ ὄγκον εὐρὼν χρυσοῦ“.

Мысль, выраженная Касией в этом изречении, может быть сопоставлена с сходными сентенциями Максима и Менандра. У Максима (Migne. Patr. gr. f. 91, 7—55 B) она звучит так:

„Φίλος πιστὸς σκέπη κραταία ὁ δὲ εὐρὼν
αὐτὸν εὖρε θησαυρόν“.

у Менандра: „φίλους ἔχων νόμιζε θησαυροὺς ἔχειν“ (Menandri et Philemonis reliquiae ed. A. Meineke, Berlin, 1823, S. 312, v. 20).

Следующая небольшая группа сентенций трактует о зависти.

22. „Как ехидна разбивает скорлупу,
Так и зависть раздирает завистника“.
„Ὡς περ ἐχιδνα ῥήσσει τὴν τετρυαῖαν
οὕτως ὁ φθόνος τὸν φθονοῦντα ῥηγνύει“.
23. „Источник зависти — счастье прекрасных, [но]
Не имея прибыли, зависть угасает“.
„Ἀρχὴ τοῦ φθόνου τῶν καλλῶν εὐτυχία
μηδὲν κερδαίνων ὁ φθόνος (ἀποκάλυπτει)“.
24. „Сердце завистника пылает завистью“.
„Ἄνδρος φθονεροῦ μέμνηεν ἡ καρδία“.
26. „О худшая зависть, кто породил тебя, спрошу,
И кто разобьет и уничтожит тебя.
У меня ты породила всяческое тщеславие
И разбила любовь к ближнему,
И, наконец, отдалила от меня страх божий
И совсем разбила смирение“.
„Φθόνε κάκιστε, τίς ὁ τεκὼν σε, φράσον,
Καὶ τίς ὁ πατάσσον σε καὶ διαρρήσων;
Ἐμὲ τέτοκε πάντως κενοδοξία,
πατάσσει δέ με φιλαδελφία δῆλον,
διχάζει δέ με θεοῦ φόβος εἰς τέλος
Καὶ διαρρήσσει ταπεινώσις εἰς ἅπαν“.
27. „Мне не давай, Христос, завидовать до смерти,
Но дай мне зависти достойной быть;
Ибо желаю страстно быть достойной
Всемерно зависти в божественных делах“.
„Φθονεῖν μὴ δῶς μοι χριστέ, μέχρι θανάτου,
τὸ δὲ φθονε σθαὶ δός μοι; ποῦ γὰρ τοῦτο,
τὸ δὲ φθονεῖσθαι πάντως ἐν ἔργοις θείοις“.

В последних двух стихотворениях, имеющих автобиографический характер, Касия, повидимому, намекает на события, повлекшие за собой ее уход в монастырь. К этой же группе стихов относится и 29:

29. „Всякий злопамятный явно завистлив,
Ибо злопамятность мать зависти“.
„Πᾶς μνησικαχὸς καὶ φθονερός προδήλως
γεννήτρια γὰρ μνησικαχία φθόνου“.

Очень значительное место среди стихов Касии занимают изречения, бичующие глупость. Приводим наиболее характерные из них:

47. „Ненавижу глупца, мнящего, что он философствует“.
„Μισῶ τὸν μωρὸν φιλοσοφεῖν δοκοῦντα“.

В стихотворениях 69 и 73 снова сквозит намек автобиографического характера, причем под глупцом Касия, по всей вероятности, разумеет императора Феофила.

69. „Глупцу уж нет совсем лекарства,
Нет помощи ему, — одна лишь смерть,
Глупец же сановитый возносится над всеми,
Еще и чванится глупец от похвалы.
Как не согнуть высокую колонну,
Так не изменишь вовсе и глупца“.

„Οὐκ ἔστι μωρῷ φάρμακον το καθόλου
οὔδε (καί) βοήθεια πλὴν τοῦ θανάτου
μωρὸς τιμηθεὶς κατεπαίρεται πάντων
ἐπαινεθεὶς δὲ θρασύνεται καὶ πλέον,
ὥς γὰρ ἄπορον κάμψαι κίονα μέγαν,
οὕτως οὐδ' ἄνθρωπον μωρὸν μεταποιεῖς“.

73. „Как страшно выносить глупца суждения!
Когда же он прославлен, еще всего страшней.
Хотя бы был глупец и молод, и династ,
Увы и ой, ой и увy, о боже!“

„Δεινὸν τὸν μωρὸν γνωσεῶς τι μετέχειν
ἢν (δὲ) καὶ δόξης, δεινότατον εἰς ἅπαν
ἢν δὲ καὶ νέος ὁ μωρὸς καὶ δυνάστης
παπαῖ κα: ἰω, φεῦ καὶ οὐαὶ καὶ πόποι“.

В стихотворении 70 Касия, развивая ту же тему, восклицает:

„Предпочтительнее иметь дело с умными,
Чем с богатыми глупцами и неучами“.

„Αἰρετώτερον φρονίμοις συνδιάγειν
ἢπερ πλουσίοις μωροῖς καὶ ἀπαιδεύτο:ς“.

В 71 она пишет:

„Знание для глупца — опять же глупость“.

„Γνωῖσις ν μωρῷ πάλιν ἄλλη μωρία“.

А в 72 она заключает:

„Знание для глупца — погремушка на свином рыле“.

„Γνωῖσις ἐν μωρῷ κώδων ἐν ρίνι χοίρον“.

И, наконец, в 118:

„Невыносимо умному переносить глупцов,
Ибо устанет он от их противоречий.
Иль как ему их дерзость победить!
Гораздо лучше с умными делить нужду мне,
Чем разделять богатство с невеждами и дураками.
О дай, Христос, мне лучше делить нужду
С разумными и мудрыми мужами,
Чем радости сносить с неумными глупцами!“

„Μωροῖς φρόνιμος συνδιάγειν οὐ σθένει
ἀτονήσει γὰρ τῇ τούτων ἀντιθέσει,
ἢ πῶς τὴν τούτων θρασύτητα νικήσει;
Αἰρετώτερον φρονίμοις συνδιάγειν
ἢπερ πλουσίοις μωροῖς καὶ ἀπαιδεύτοις
καὶ μοὶ δοίη γε, χριστός, συγκακουχεῖσθαι
φρονίμοις ἀνδράσι τε καὶ σοφωτάτοις
ἢπερ συμπλουτεῖν μωροῖς καὶ ἀπαιδεύτοις“.

Вывод из всех этих стихов Касия формулирует в стихе 76:

„Лучше б тебе, глупец, и вовсе не родиться или, родившись, не бегать по земле“.

Это стихотворение в другом варианте (113) в полном виде звучит так:

„Лучше б тебе, глупец, и вовсе не родиться. Или, родившись, не топтать земли, но сразу же направиться в Аид“.

„Κρεῖσσον τῷ μωρῷ πάνπαν μὴ γεγεννηῖσθαι
ἢ γεννηθέντα τῇ γῇ μὴ βηματίσαι, ἀλλὰ
συντόμως Αἰδῇ παραπεμφθῆναι“.

Направляя несколько эпиграмм против всевозможных нарушителей законности и добродетели, Касия в длинном стихотворении наделяет человека рядом пороков, противопоставляя их природным недостаткам. Все в целом носит характер злой карикатуры:

53. „Муж лысый, глухой, однорукий,
Заика, недоросток черный,
Кривоногий и кривоглазый
Был оскорблен каким-то обольстителем,
Прелюбодеем, пьяницей, лжецом и вором и убийцей.
О приключившемся сказал он:
«Я не виновник в том, что приключилось,
Ибо я создан был таким, и вовсе не желая.
А ты же сам создал свои пороки,
Не получил ты вовсе их от бога,
И то, что делаешь, за то ты сам и терпишь»“.
„Ἀνὴρ φαλακρὸς καὶ κωφὸς καὶ μονόχειρ
μογγιλαλὸς τε καὶ κολοβὸς καὶ μέλας,
λοξὸς τοῖς ποσὶ καὶ τοῖς ὀμμασὶν ἅμα
ὑβρισθεὶς παρὰ τινος μοιχοῦ καὶ πόρνου,
μεθυστοῦ, κλέπτου καὶ ψεύστου, καὶ φονέως
περὶ τῶν αὐτῷ συμβεβότων ἔφη.
Ἐγὼ μὲν οὐκ αἰτίος τῶν συμβαμάτων.
οὐ γὰρ θέλων πέφυκα τοιοῦτος ὅλως.
σύ δὲ τῶν σαυτοῦ παραίτιος πάντα σμάτων.
ἅπερ γὰρ οὐκ ἔλαβες παρὰ τοῦ πλάστου,
ταῦτα καὶ ποιεῖς καὶ φέρεις καὶ βραστάζεις“.

Несколько эпиграмм посвящает Касия качествам женщин:

126. „Женский род всех сильнее,
Сказал поистине еще и Эзра“.
„Φύλον γυναικῶν ὑπερῖσχει πάντων
καὶ μάρτυς Ἑσδρας μετὰ τῆς ἀληθείας“.
127. „Дурно, когда жена красива и прекрасна,
Ибо имеет краса очарование.
Когда ж жена злонравна, безобразна,
Зло станет вдвое большим, к тому ж еще без прелести“.
„Κακὸν ἢ γυνὴ κἂν ὥραία τῷ κάλει
τὸ γὰρ κάλλος κέκτῃται παραμυθίᾳ
εἰ δ' αὖ δυσειδὴς καὶ κακότροπος εἴη,
διπλοῦν τὸ κακὸν παραμυθίας ἄτερ“.
128. „Умеренное зло — жена блестящая с виду:
Все же красота дает утешение.
Когда ж еще жена к тому и безобразна,
Печальна вовсе участь, и жалок злой удел“.
„Μετρίον κακὸν γυνὴ φαίδρα τῇ θέᾳ,
ὅμως παρηγόρημα τὸ κάλλος ἔχει
εἰ δ' αὖ καὶ γυνὴ καὶ δυσμορφος ὑπάρχοι,
φεῦ τῆς συμφορᾶς, φεῦ κακῆς εἰμαρμένης“.

Ирония Касии направлена и на предсказателей:

65. „Муж — предсказатель наилучший,
Ибо предсказывает он опасности в делах“.
„Ἀνὴρ στοχαστὴς μάντις ἄριστος ἐστὶν
τεκμαίρεται κινδύνους ἐν τῶν πραγμάτων“.

Заслуживают внимания и еще некоторые сентенции на морально-этические темы. Такова, например, 129.

„Зло легче доброго.

Подобно доброе подъему вверх,
Дурное же подобно спуску вниз,
А всякий знает, насколько легче
Спускаться, чем подниматься“.

„Ῥαδίον ἐστὶ τὸ κακὸν τοῦ βελτίου;
τὸ γὰρ ἀγαθὸν ἔοικεν ἀναφόρῳ,
τὸ δ' αὖ πονηρὸν οἷον τῷ κατηφόρῳ.
καὶ πᾶς τις οἶδε, πόσον κατωφορίζειν
εὐκοπώτερον ἢ περ ἀναφορίζειν“.

31. „Богатство покрывает великие пороки, — тогда как бедность обнажает все, что есть дурного“.

Большая группа сентенций имеет темой ряд случаев, которые, по мнению поэтессы, достойны осуждения. Все они начинаются словом *μισῶ*:

45. „Ненавижу убийцу, осуждающего вспылчивого“.

„μισῶ φονέα κρίνοντα τὸν θυμῶδη“.

46. „Ненавижу обольстителя, когда клеймит прелюбодея“.

„μισῶ τὸν μοιχόν, ὅταν κρίνῃ τὸν πόρνον“.

47. „Ненавижу глупца, когда он мнит, что философствует“.

„μισῶ τὸν μωρὸν φιλοσοφεῖν δοκοῦντα“.

48. „Ненавижу должника, спящего беззаботно“.

„μισῶ χρεώστην ἀμεριμνῶς ὑπνοῦντα“.

49. „Ненавижу малого, когда не ценит он большого“.

„μισῶ κολάζον μακρὸν ἐξωθεοῦντα“.

50. „Ненавижу молчание, когда время говорить“.

„μισῶ σιωπὴν ὅτε καὶρός τοῦ λέγειν“.

51. „Ненавижу приходящего без приглашения“.

„μισῶ μὴ ζητούμενον καὶ προσμολοῦντα“.¹

52. „Ненавижу обучающего и ничего не знающего“.

„μισῶ τὸν διδάσκοντα μὴδὲν εἰδῶτα“.

87. „Ненавижу судью, смотрящего на лица“.

„μισῶ δικαστὴν προσέχοντα προσόποις“.

88. „Ненавижу богатого, причитающего, как бедняк“.

„μισῶ πλούσιον ὡς πτωχὸν ἀρηνωδοῦντα“.

89. „Ненавижу бедняка, хвастающегося богатством“.

„μισῶ τὸν πτωχὸν καυχώμενον ἐν πλούτῳ“.

90. „Ненавижу большого, если он чрезмерен“.

„μισῶ τὸν μακρὸν ἅν πελωλὸς τυγχάνῃ“.

93. „Ненавижу лгуна, чванящегося на словах“.

„μισῶ τὸν ψεύττην σεμνυνόμενον λόγοις“.

94. „Ненавижу пьяницу, пьющего и жаждущего“.

„μισῶ μέθυσον πίνοντα καὶ διψῶντα“.

95. „Ненавижу лакомку, собирающего крошки“.

„μισῶ τὸν λίχνον ὡς ὀλιγοψυχοῦντα“.²

97. „Ненавижу беспечного, а более сонливого“.

„μισῶ ῥάθυμον καὶ τὸν ὑπνώδη μᾶλλον“.

¹ В вар. προσλαλοῦντα — болтающего.

² В вар. ὀλιγοψυχοῦντα — малодушного.

98. „Ненавижу бесстыдного в развязности“.
„μισῶ τὸν ἀνάσχυτον ἐν παρρησίᾳ“.
99. „Ненавижу многословного, когда некогда“.
„μισῶ τὸν πολύλογον ἐν ἀκαιρίᾳ“.
101. „Ненавижу того, кто похож на всех“.
„μισῶ τὸν πᾶσι συμμορφούμενον τρόποις“.
102. „Ненавижу делающего все ради славы“.
„μισῶ τὸν δόξης χάριν ποιῶντα πάντα“.
103. „Ненавижу говорящего без спросу“.
„μισῶ μὴ ζητούμενον καὶ προσλαλοῦντα“.
106. „Ненавижу бранливого, ибо он не любит божества“.
„μισῶ φίλεχθρον οὐ γὰρ φίλει τὸ θεόν“.
107. „Ненавижу скупого и сильно богатеего“.
„μισῶ φειδωλὸν καὶ μάλιστα πλουτοῦντα“.
108. „Ненавижу невежду, как Иуду“.
„μισῶ τὸν ἀγνώμονα καθὼς Ἰούδαν“.
109. „Ненавижу клеветующего напрасно на друзей“.
„μισῶ τὸν μάτην συκοφαντοῦντα φίλοις“.

Таким же образом и другая группа изречений подобрана по внешнему признаку. Все они начинаются словом „лучше“ — κρεῖσσον:

39. „Лучше одиночество, чем дурное общество“.
„Κρεῖσσον μόνωσις τῆς κακῆς συνουσίας“.

Это изречение можно сопоставить с словами Менандра:

„ἀνδρὸς πονηροῦ φεῦγε συνόδιαν αἰεί“

(Менандр, 24).

40. „Лучше и болезнь, чем дурное благополучие“.
„Κρεῖσσον καὶ νόσος τῆς κακῆς εὐεξίας“.
41. „Лучше быть слабым, чем дурно здоровым“.
„Κρεῖσσον ἀσθενεῖν ἢ κακῶς ὑγιαίνειν“.
42. „Молчание лучше речей несправедливых.
Ибо от молчания не произойдет ни опасности,
Ни насмешек, ни раскаяния, ни обвинения, ни клятвы“.
„Κρεῖσσον σιωπᾶν ἢ λαλεῖν ἃ μὴ θέμις
ἐκ σιωπῆς γὰρ οὐ κίνδυνος, οὐ μῶμος,
οὐ μετᾰμελος, οὐκ ἔγκλησις, οὐχ ὄρκος“.

У Менандра: „Κρεῖσσον σιωπᾶν ἢ λαλεῖν μάτην“ (Пам. 189).

111. „Поистине гроздь лучше справедливого,
Чем целый урожай бесчестно незаконного“.
„Κρεῖσσον ἀληθῶς ἐπιφυλλίς δικαίου
ἢ περ τρυγητὸς ἀσεβῶν παρανομίαν“.
114. „Лучше потерпеть поражение,
Чем одержать недостойную победу“.
„Κρεῖσσον ἡττᾶσθαι τοῦ νικᾶν ἀπεικότως“.
115. „Лучше немного хорошего законного,
Чем самое значительное незаконное“.
„Κρεῖσσον ὀλίγον καλὸν ἐξ εὐνομίας
ἢ τὸ πολλοστὸν ἀπὸ παρανομίας“.

Уделяя много внимания порицанию недостатков и пороков, Касия отдает должное и правдивости как одному из обязательных достоинств человека. Одиннадцать стихов посвящены этой теме.

54. „Правдивый муж бежит всемерно клятвы“.
 „Ἀνὴρ ἀληθὴς ἐκφεύγει πάντως ὅρκον“.
55. „Правдивого слова — подобны клятве;
 Слова ж дурного — ложь, когда и с клятвой“.
 „Ἀνδρὸς ἀληθοῦς ὁ λόγος ὡσπερ ὅρκος
 ἀνδρὸς δὲ φαύλου καὶ τὸ ψεῦδος μεθ' ὅρκου“.
56. „Всякий, дающий много клятв,
 Впадает в клятву ложную“.
 „Πᾶς πολὺς ὅρκος εἰς ψευδορκίαν πίπτει“.
57. „Дурно поклясться, но хуже — нарушить клятву“.
 „Κακὸν ὁμόσαι, χεῖρον ἐπιорκῆσαι“.
58. „Нам всячески остерегаться должно клятвы“.
 „Χρὴ παντάπασι φυλάττεσθαι τὸν ὅρκον“.
59. „Всякий спорщик умножает клятвы,
 Всякий спорщик привносит гнев“.
 „Πᾶς φιλονεικὺς πληθύνει καὶ τοὺς ὅρκους
 πᾶς φιλονεικὸς καὶ θυμὸν συνεισφέρει“.

К числу недостатков, достойных осуждения, по мнению Касии, должны быть отнесены: неумение сдерживать гнев, гордость, пьянство, чревоугодие, легкомыслие, неумение видеть свои недостатки, болтливость, развязность, честолюбие, бестактность, стремление молодиться, склонность к спорам, брани, клевете, заурядность, пошлость, скупость, суетливость, зависть, фальшь, необразованность и глупость.

Часть изречений, посвященных осуждению этих недостатков, была приведена выше. Среди прочих, относящихся к этой теме, можно отметить следующие.

116. „Быть вместе с дурными вовсе не в силах
 Ненавидящий пошлость и владеющий знанием“.
 „Κακοῖς συνεῖναι ἅμπαρ οὐκ ἐξισχύει
 ὁ κεκτημένος μισοπόνηρον γνῶμην“.

По мысли это изречение очень близко к приведенному выше: „Ненавижу того, кто похож на всех“.

129. „Жаждешь похвал? — Трудись хвалы достойно!“
 „Ποδεῖς ἐπαίνους, ἐπαινετέα πράττε“.

80. „Муж гордый ненавистен всем видящим его.
 Любезен всем смиренномудрый“.
 „Ἀνὴρ ὑψαύχην μισήτός τοῖς ὀρώσιν
 ἐπέραιστος δὲ τοῖς πᾶσι ταπεινόφρων“.

Следует отметить также несколько едких эпиграмм против скупости:

62. „Скупой бежит от дружеских пирушек“.
 „Φεύγει φειδωλὸς συμπόσια τῶν φίλων“.
61. „Скупой, увидев друга, прячется
 И обучает слуг обману“.
 „Φειδωλὸς ἰδὼν τὸν φίλον ἀπεκρύβη,
 καὶ τοὺς οἰκέτας τὸ ψεύδεσθαι διδάσκει“.
63. „Скупой томится бедными друзьями“.
 „Φειδωλὸς ἅπας φίλους πτωχοὺς βαρεῖται“.

К числу добродетелей, по мнению Касии, должна относиться и покорность судьбе.

Стихотворения, принадлежащие к этой группе, в значительной степени пронизаны пессимизмом, разочарованием. Многие из них,

повидимому, носят автобиографический характер. К последним тесно примыкают по тематике и изречения о достоинствах одиночества;

32. „Богатства не ищи и не ищи нужды:
Один ведь наделен умом и знанием,
Другой же — горем ненасытным“.
„Πλοῦτον μὴ ζήτηι, μεδ' αὖ πάλιν πενίαν
ὁ μὲν γὰρ τὸν νοῦν φυσιοῖ καὶ τὴν γνῶσιν
ἡ δὲ τὴν λύπην ἀκατάπαυστον“.
33. „Принимай спокойно счастье и несчастье,
Храбро, в бедствие попав, сноси его“.
„Εὐημερῶν δέχδεχου καὶ δυστυχίαν
εἰς δυστυχίας δέμπεσῶν γενναίως φέρε“.

Вторая строка почти буквально повторяет изречение Менандра:

- „Ἄνδρες προσπίπτοντα γενναίως φέρειν“.
(Menandri, Mem. 13 — Пам. 88, 13).
34. „Один лишь одинок, кто горести имеет,
Вдвойне имеет он и мрачность да и праздность“.
„Μόνος μονωθεὶς ὁ τὰς ὀδύνας ἔχων
διπλὴν ἔχει σκότῳσιν καὶ ῥαθυμίαν“.
35. „Страдающим лекарством большим
бывает сочувствующих слово и слеза“.
„Μέγα φάρμακον τοῖς πενθοῦσιν ὑπάρχει
τῶν συναλγούντων το δάκρυον καὶ ῥῆμα“.
36. „Имеет испытание живущий в горе“.
„Βάσανον ἔχει τὴν ζωὴν ὁ ἐν λύπαις“.
37. „Что судьба несет тебе, то сноси ты и неси;
Если же несет тебе, а ты не снесешь,
То и сам себя обидишь и то, что судьба несет“.
„Εἰ τὸ φέρον σε φέρει, φέρου καὶ φέρε.
εἰ δὲ τὸ φέρον σε φέρει καὶ σὺ οὐ φέρεις
σαυτὸν κακώσεις καὶ τὸ φέρον σε φέρει“.
- Ср. у Паллада: „εἰ τὸ φέρον σε φέρει, φέρε καὶ φέρου εἰ δ' ἄγανακτεῖς, καὶ
σαυτὸν λυπεῖς καὶ τὸ φέρον σε φέρει“.¹
38. „Против рожна не иди, утруждая ноги свои;
Рожна никак не повредишь,
Себя ж изранишь, утомишь“.
„Πρὸς κέντρα μὴ λακτίζε γυμνοῖ ποσὶ σου
ἐπεὶ τὰ κέντρα μὴδ' αὖ μὴ καταβλάψας
σαυτὸν τρώσεις καὶ πόνον ὑποστήσῃ“.
39. „Безмятежная жизнь — великое богатство“.
„Ἀσχανδάλιστος βίος ἢ πλοῦτος μέγας“.
77. „Попав в беду, не выпутывайся,
Ибо без божьей воли мы ни от чего не страдали бы“.
„Περὶ στάσεων ἐμπίπτων μὴ ἐκλύου
πάντως γὰρ οὐδὲν θεοῦ πάθομεν δίχα“.
82. „Приносит пользу мне и неудача,
Как проверяешь золото в огне“.
„Ἦνεγκέ μοι τί κέρδος ἡ δυσπραξία
ὥσπερ τὸν χρῆσον ἐν πυρὶ δοκιμάζεις“.

¹ Boissonade. Anecdota graeca. II. 475, прим. 4.

66. „Когда несчастный и золото найдет,
То, взяв его, в беду он попадает;
Счастливым же, найдя змею живую,
Всегда и пользу и прибыль извлекает“.

„Εὐρὼν δυστυχὴς χρυσίον εἶλε τοῦτο
καὶ γέγονε κίνδυνος ἐκ τούτου τούτῳ
ὁ δ' εὐτυχὴς, κἄν ὄφιν εὕρῃ ζῶντα
εἰς ὄφελος γίνεται τούτῳ καὶ κέρδους“.

68. „Несчастливого все и всегда срамят,
Счастливому же все идет на пользу“.

„Δυστυχὴς ἅπας ἐν πᾶσι κονδυλίζει
τῷ δ' εὐτυχεὶ πέφυκεν εὖθι πάντα“.

Последняя группа изречений, большей частью одностиший, посвящена монахам.

В этой серии эпиграмм Касии отправной точкой служит буквальное значение слова „монах“. Иначе у поэта V в. Паллада:

„Если зовутся они одинокими, что ж их так много,
Где одиночество тут в этой огромной толпе“.¹

Касия пишет:

131. „Монах тот, кто один с собой“.

„Μοναχὸς ἐστὶν ἑαυτὸν μόνον ἔχων“.

132. „Монаху приличествует одинокая жизнь“.

„Μοναχὸς ἐστὶ μονολογιστὸς βίος“.

133. „Монах, имеющий житейские заботы,

Пусть именуется одним из многих, а не монахом“.

„Μοναχὸς ἔχων βιωτικὰς φροντίδας
οὗτος πολλοστός, οὐ μοναχὸς κεκλησθῶ“.

134. „Жить легче одинокой пташке“.

„Μοναχοῦ βίος κοφύτερος ὀρνέου“.

135. „Монашеская жизнь — без лишней заботы“.

„Μοναχοῦ βίος περιεργίας ἄνευ“.

136. „Монашеская жизнь полна мира“.

137. „Монашеская жизнь совершенно невозмутима“.

138. „Монашеская жизнь вообще молчалива“.

139. „Монаху должно иметь обученный язык“.

140. „Монаху должно иметь потупленный взор“.

141. „Монаху должно иметь убежденный ум“.

142. „Монаху должно иметь закрытую дверь“.

143. „Монаху должно быть опорой слабых“.

145. „Монашеская жизнь — светильник для всех“ и т. д.

В какой мере все эти изречения и эпиграммы могут считаться оригинальными произведениями поэтессы?

В распоряжении Касии, как и других ее современников, были, вероятно, готовые сборники изречений, которыми она могла пользоваться в качестве образца. Подобные антологии, часто встречающиеся в греческих рукописях, были очень популярны в Византии. По свидетельству одного из исследователей, специально занимавшегося изучением рукописных версий сборников изречений, — „редко можно

¹ Пер. Блуменау („Греческие эпиграммы“, 1935, стр. 207).

встретить рукопись смешанного содержания, где в числе других статей не нашлось бы каких-либо *γυνῶμαι διάφοροι, γυνῶμαι σοφῶν, φιλοσόφων, ἐκλογαὶ ἐκ διαφόρων βιβλίων* и т. п.¹ Распространенность этих антологий обуславливалась не только потребностями обыкновенного читателя, но и профессиональными интересами ораторов, проповедников, юристов, поэтов, которые пользовались готовыми изречениями. Очень обширный сборник, частично дошедший до нашего времени,² был составлен еще в V в. Иоанном Стобеем (из г. Стоби в Македонии). Повидимому, в VII в. появился другой сборник изречений *Ἀββα Μαξίμου τοῦ φιλοσόφου καὶ μάρτυρος*.³ Сборник этот, в отличие от предшествовавшего, содержал выборки и из христианских авторов. Автором его рукопись Венской библиотеки XI в. (Cod. Theol. 197) называет Максима. Антология Максима пользовалась исключительной популярностью не только в Византии, но и у славянских народов, где она под названием *μέλισσα* („Пчела“) часто встречается в рукописных сборниках. Очень возможно, что именно из этого сборника Касия и почерпнула некоторые образцы для своих изречений. Однако ни в флорилегии Иоанна Стобея, ни у Максима, ни у Менандра, ни в других известных нам сборниках, ни, наконец, среди изречений современника Касии Феодора Студита нет (если не считать нескольких изречений, о которых упоминалось выше) стихов, аналогичных изречениям Касии.

Следовательно, творчество поэтессы в этом отношении следует признать оригинальным, и мы можем использовать его для характеристики ее литературных вкусов и того места, которое она занимала в византийской культуре первой половины IX в.

При чтении ее изречений создается впечатление, что все они сочинялись Касией в сугубо личном плане. У автора не чувствуется ни широкого жизненного опыта, ни подлинного интереса к окружающей жизни. Исходя из общих понятий добродетели и порока, добра и зла, Касия никак особенно не конкретизирует их, если не считать нескольких очень смутных намеков автобиографического характера. В ее творчестве нет отклика на животрепещущие вопросы, волновавшие византийское общество в начале IX в. Замечательно, что в изречениях монахини Касии нет никакого намека (за одним весьма проблематичным исключением) на ее отношение к иконоборческому и антимонашескому движению, которым были отмечены царствования Льва V Армянина и Феофила; отсутствуют, несмотря на значительное внимание к монахам, всякие следы знакомства с реальной жизнью и ролью и положением монахов и монастырей в первой половине IX в., что, например, сильно чувствуется у старшего современника Касии — Феодора Студита. Критикуя Феофила (если предполагать, что в изречениях намек относится к нему), Касия не выходит за рамки вопросов личного самолюбия и обиды.

¹ А. Михайлов. По вопросу о греко-византийских и славянских сборниках изречений. ЖМНП, ч. CCLXXXV, стр. 15 и сл.

² Migne. Patr. gr. 103, § 167, p. 178. Ср. Михайлов, там же; Fabricius. Bibliotheca graeca, t. IX, p. 582 и сл.; Christ. Geschichte der griechischen Literatur. München, 1905, S. 800. Переложение сборника Иоанна было выполнено в XVI в. Иоанном Ласкарисом Риндакином (Vat. Cod. R. S., № 146), где он воспроизводится в прозе. Второе стихотворное переложение было сделано Гуго Гроцием (Dicta poetarum quae apud Stobaeum extant. Parisiis, 1623).

³ Ср. полное название: Wachsmuth. Studien zu den griechischen Florilegien. Berlin, 1882, стр. 5. Возражения против датировки Ваксмута, относившего собрание Максима к X в., см. у Михайлова.

Таким образом, нельзя не прийти к выводу об узко ограниченном характере интересов Касии.

Вместе с тем, однако, творчество Касии очень любопытно в том отношении, что, несмотря на свою монашескую жизнь, несмотря на наличие среди изречений целого раздела сентенций о монахах, Касия исключительно мало уделяет внимания вопросам церковной догматики и религии. Она нигде прямо не цитирует священного писания, за исключением явно пронизанного иронией изречения Эздры о женщинах. При сравнении поэтического творчества Касии с произведениями ее современников, например Игнатия, необходимо подчеркнуть бросающийся в глаза светский характер ее произведений и интересов.

В этой черте литературной деятельности Касии нельзя не увидеть отражения характерной для IX в. особенности византийской феодальной культуры. Поворот к светской жизни, критическое отношение к основам церковной литургии, связанные с подъемом народных движений, с развитием павликианского и иконоборческого движения, сказывались во всех областях византийской культуры IX в. Проводя иконоборческую политику, императоры VIII и IX вв. противопоставляли поклонению иконам и реликвиям, которые насаждались монашеством и реакционными церковниками, всякого рода светские представления. Подобно своим предшественникам — иконоборцам Льву III и Константину V, и Феофил покровительствовал светскому изобразительному искусству, музыке, театру. Достаточно характерны в этом отношении сведения, которые сообщает, например, Игнатий в биографии патриарха Тарасия. Он указывает, что патриарх вынужден был специально призывать своих подчиненных сидеть дома, читать священное писание и распевать псалмы, а не тешить свои зрение и слух на ипподроме и в театрах.¹

Повидимому, Касия, несмотря на узость своих интересов, также была захвачена этими передовыми для Византии течениями своего времени.

Об этом же говорит и характер музыкального творчества Касии — автора мелодий для ряда ею же самой написанных гимнов.²

Правда, сравнительно поздняя нотная запись в рукописях не дает полной уверенности в том, что первоначальный мелодический замысел автора воспроизводится в них без изменений, что он не подвергся переработке и исправлению в соответствии с изменившимися в позднейшее время музыкальными вкусами. Однако следует признать увеличенной „осторожность“ Тильярда, который, посвятив целое исследование музыкальной деятельности Касии, не сделал из него никаких выводов.³ Впрочем, в этом отношении от него недалеко ушли и все

¹ Vita Tarasii, p. 19, 4—11. Андреев. Герман и Тарасий, стр. 182.

² Гимны Касии дошли в рукописной традиции в нескольких вариантах. При этом нередко гимны, носящие в одной рукописи имя Касии, в другой приписываются какому-либо иному автору или остаются анонимными. Авторство Касии может считаться бесспорно установленным для следующих пяти гимнов:

1. От 28/VI Петру и Павлу, начинающийся словами: τοὺς φωστῆρας.

2. От 15/XI Гурию, Самону и Авиве, начинающийся словами: Ἡ Ἐδέσση εὐφραίνεται.

3. От 13/XII Евстратию, начинающийся словами: τὴν πεντάχρουν λύραν.

4. От 25/XII в день рождества. Начинается словами: Αὐτοῦστον μοναρχήσαντος.

5. Начинается словами: Κύριε ἡ ἐν πολλαῖς ἀμαρτίαις.

По своим литературным достоинствам, по эмоциональной насыщенности все они значительно уступают сочинениям того же рода знаменитых предшественников Касии.

³ Byz. Zeitschr. Bd. XX, 1910, S. S. 419 и сл.

другие буржуазные исследователи Касии, которые, ограничившись „реверансами“ по адресу женщины-поэтессы, также не сделали никакой попытки дать характеристику ее сочинений и определить их место в литературной истории IX в.

Но если даже, осторожности ради, подвергнуть анализу лишь основную мелодию гимнов, оставив в стороне позднейшие, быть может, ее украшения, — вывод напрашивается сам собой.

Мелодия Касии разворачивается в гораздо более широком диапазоне, превышающем не только кварто-квинтовый диапазон, характерный для более раннего времени, но и диапазон сексты. Притом для развития ее мелодии характерно восходящее направление вместо более архаического построения по нисходящему звукоряду, излюбленному и в античной музыке. Мелодия развивается обычно более или менее свободно в пределах семиступенной гаммы, в силу чего обычная для византийских гимнов монотонность значительно ослабляется и возможности разнообразия напева оказываются более широкими. Следовательно, и в этом отношении Касия не отставала от своего времени, когда музыка, не только церковная, но и светская, стала занимать столь видное место, что при дворе стали устраиваться концерты.

Известно, что императоры-иконоборцы Лев V и Феофил не только покровительствовали музыке, но и сами подвизались на этом поприще.

Папа Григорий II обвинял иконоборцев в том, что они заменяют иконы арфами, кимвалами, флейтами как средством для развлечения народа.

В своем творчестве Касия отдавала дань требованиям времени. Однако в целом поэзия ее пронизана пессимизмом и замыкается, как уже было указано, в пределах узкой нежизненной тематики, сильно обедняющей ее содержание. Личная неудача в известной степени изолировала нашего автора от общественной среды. Подобно большинству византийских писателей, Касия принадлежала к обеспеченному классу. Имея возможность на собственные средства основать монастырь, она удалась туда уже в молодые годы, почти не зная жизни с ее борьбой, трудностями, социальными противоречиями. Как женщина она, вероятно, и раньше имела гораздо меньше возможностей, чем ее собратья, писатели-мужчины, общаться с людьми, пополнять свое образование.

В этом смысле к Касии вполне применимы слова поэта VI в. Агафия в его стихотворении „Жалоба женщин“:

„Юношам легче живется на свете,
Чем нам, горемычным,
Женщинам, кротким душою.
Нет недостатка у них
В сверстниках верных, которым они
В откровенной беседе
Могут тревоги свои, боли души поверять,
Или устраивать игры, дающие сердцу утеху,
Или, гуляя, глаза красками тешить картин.
Нам же нельзя и на свет поглядеть, но должны мы
скрывать

Вечно под кровом жилищ, жертвы унылых забот“

(пер. А. Блюменау).

В среде византийской аристократии, где женщины располагали достаточным досугом, было немало образованных женщин-писательниц.

Напомним, например, имена Феосевии — сестры историка V в. Зосима (эпиграмму которой на смерть врача Авлавия сохранила палатинская антология), Демо — писательницы, жившей во второй половине V в., Евдокии (Афинаиды), жены императора Феодосия II. Для позднейшего периода назовем мать Михаила Пселла, а также Анну Далассину, Анну Комнину. Однако у нас нет оснований предполагать, что женщины, даже в высшем классе византийского общества, были поставлены в отношении образования в равное положение с мужчинами. По характеристике одного из исследователей, „о женском образовании тогда в Византии мало заботились; женских школ не было, и в лучшем случае девочки обучались грамоте дома матерью наемным дидаскалом или самоучкой,¹ а если отдельные школы и существовали, то лишь в виде исключения в монастырях“.²

Женщины имели гораздо меньше возможностей систематически пополнять свое образование, чем мужчины. Хорошо известно, что женщины в условиях византийского средневековья были наиболее стойкими сторонницами иконопочитания, были наиболее привержены религиозным предрассудкам.

Весь строй средневекового феодального общества значительно суживал возможности умственной деятельности для женщин. Указанные причины объясняют многое и в творчестве Касии.

Сравнительно узкий жизненный опыт писательницы обеднил тематику ее произведений, ограничил круг ее интересов и не дал ее незаурядному дарованию полностью развернуться. Самый факт монашества Касии, основание ею монастыря в период, когда под влиянием упорной борьбы эксплуатируемых масс византийского Востока против господствующей церкви самые передовые слои образованной части высшего класса Константинополя встали на путь реформы, иконоборчества и борьбы против монашества, также заслуживает внимания.

Тем больший интерес представляет изучение светских элементов в поэтическом творчестве Касии, являющихся ярким свидетельством силы светских течений в византийской культуре IX в., вызванных к жизни народными движениями.

¹ Скабаланович. Византийская наука и школа. „Христ. чтение“, 1884, май, стр. 737; ср. Доброклонский. Федор Студит. 1914, т. I, стр. 294, прим. 1.

² В. Г. Васильевский указывает, что „когда вследствие борьбы за иконы усилилось греческое выселение в Италию и когда папа Захария (по происхождению тоже грек) отвел для греческих монахинь особый монастырь, то они прежде всего устроили в нем женскую школу („Труды“, т. II, стр. 304).